

На пути в Святую землю: Мемуары русских паломников о путешествии из России в Палестину (2-я половина XIX – начало XX в.)

К. Е. Балдин (Иваново)

На рубеже XIX и XX вв. наблюдается впечатляющий рост православного русского паломничества на Ближний Восток. Это явление было связано с деятельностью Императорского Православного Палестинского Общества, которое взяло на себя доставку паломников в Святую Землю и обратно, их размещение на своих специально построенных подворьях, а также организационное сопровождение богомольцев во время их передвижений по Палестине. Активизация паломнического движения стала главной причиной того, что заметно возросло число паломнических мемуаров, публиковавшихся как отдельными изданиями, так и в периодической печати. В этой связи отметим, что в отечественной историографии сих пор практически не вводились в научный оборот довольно многочисленные источники личного происхождения, которые рассыпаны по страницам «Епархиальных ведомостей».

Авторами большинства паломнических воспоминаний и дневников в рассматриваемый нами период становились представители провинциального духовенства. Естественно, что восприятие действительности в каждом отдельном случае было индивидуальным. В зависимости от уровня образования авторов, их литературных задатков, эмоциональности и степени самоцензуры стиль текстов был литературным или просторечным, изложение – эмоциональным или суховатым; также оно представлялось безыскусственным или же, напротив, выдавало через сноски и аллюзии богословскую и общенаучную начитанность автора. Редакторы провинциальных церковных официозов, т.е. «Епархиальных ведомостей», охотно предоставляли побывавшим в Палестине священникам и мирянам возможность поделиться своими впечатлениями от увиденного.

В некоторых воспоминаниях авторы сразу «берут быка за рога» и приступают к описанию своих путешествий по Святой Земле, начиная с высадки в Яффе. Однако большинство мемуаристов все же не обошли своим вниманием тему дороги к святыням вселенского христианства и рассказывают о своих путешествиях по Черному, Эгейскому и Средиземному морю. Одни уделяют дороге в Святую Землю весьма пристальное внимание, отводя этой теме несколько десятков страниц. Другие ограничиваются довольно беглым описанием путешествия. Авторы, путевые записки которых мы использовали в нашем исследовании, являлись представителями самых различных регионов страны: русского севера (Архангельская, Вятская и Олонецкая губернии), Центрального промышленного района (Костромская), Украины (Волынская) и юга страны (Астраханская).

Абсолютное большинство паломников отправлялось в Палестину морским путем из Одессы. Порой здесь им приходилось дожидаться очередного парохода два-три дня, а то и дольше. Первоначально с временным пристанищем возникали проблемы, богомольцы были в большинстве своем бедными, поэтому им приходилось останавливаться на местных постоялых дворах, не отличавшихся безопасностью и чистотой. Протоиерею Никанору Карашевичу, путешествовавшему в первой половине 1870-х гг., в этом отношении повезло. Он, будучи священником, расположился в «гостеприимце» при архиерейском доме, где встретился с другими паломниками, ехавшими в Палестину или возвращавшимися оттуда¹.

На рубеже XIX – XX в. большинство транзитных путешественников останавливалось на устроенных в Одессе подворьях русских афонских монастырей – Пантелеймоновского, Андреевского и Ильинского. Никакой официально назначенной

платы за проживание здесь не было, паломники оставляли монахам кто сколько мог: богатые – рубли, а бедные – всего лишь по несколько копеек.

Эта структура афонских подворий была очень важной для паломников не только как временное пристанище. На каждом подворье были, по выражению мемуариста В. Крючкова, «монахи-паспортисты»². Они на основе привезенных паломниками документов выправляли им заграничные паспорта у местного начальства и покупали билеты на пароход. Они же провожали очередную группу паломников на пароход и следили, чтобы богомольцы, благополучно пройдя таможенные процедуры, поднялись на борт. Таким образом, эти монахи осуществляли пошаговое организационное сопровождение российских богомольцев.

О том, как работала эта монашеская паспортная служба, свидетельствует паломник из Олонецкой губернии о. Евгений Мерцалов: «Вскоре после вечерни ко мне в номер зашел о. гостинник и не один, а с послушником о. Ипполитом, на обязанности которого лежат хлопоты по прописке паспортов, ходатайства о выдаче заграничного паспорта и приобретение пароходных билетов на проезд в Иерусалим или Афон. Последний, получив от меня вид на жительство и свидетельство полиции, а также паломническую книжку с четырьмя рублями денег на расходы и приняв благословение, немедленно удалился...»³

Для оформления в Одессе заграничного паспорта необходимо было запастись по месту жительства рядом документов, без которых выезд за границу был невозможен. Малограмотность и слабая информированность многих паломников приводила к тому, что они прибывали в черноморский портовый город, не имея на руках полного комплекта необходимых бумаг со всеми печатями и подписями. Например, у священника В. Крючкова не было документа от местных властей его родной Олонецкой губернии о том, что он не имеет препятствий для выезда за пределы территории России. К счастью монах-паспортист Пантелеймоновского подворья помог ему оперативно выправить этот документ⁴.

Как сообщал уполномоченный ИППО в Одессе М.И. Осипов, нередко местные чиновники, оформлявшие свидетельства о неимении препятствий для выезда за границу для замужних женщин, забывали упомянуть в них о том, что мужья не возражают против паломничества своих супругов. Без таких отметок канцелярия одесского градоначальства заграничных паспортов не выдавала. Поэтому приходилось делать запросы по телеграфу или письмами, и до получения ответов незадачливые паломницы коротали время в Одессе. Некоторым богомольцам приходилось из черноморского порта возвращаться на родину, так и не съездив на Ближний Восток. Тот же М.И. Осипов в своем отчете за 1898-1899 г. приводил несколько таких примеров. Мещанка из г. Сызрани П. Силантьева взяла в паломничество свою 8-летнюю дочь, которая не была записана в ее паспорте. Жители г. Саратова супруги Т. и С. Прокофьевы имели при себе внучку без всяких документов на нее. Естественно, что заграничные паспорта перечисленным лицам не были выданы, и их паломнические поездки не состоялись⁵.

Несколько дней, которые богомольцы проводили в портовом городе, они использовали для осмотра достопримечательной Одессы. Как это ни странно, но в большинстве мемуаров их авторы подробно повествуют о своих путешествиях по чисто мирским, а не духовным объектам. Возможно, это связано с тем, что в большом южном приморском городе было чему удивляться обитателям северных губерний. В концентрированном виде эти коллективные впечатления паломников отразилось в воспоминаниях вятского священника А. Трапицына. Он упоминает в мемуарах одесский театр, памятник Ришелье, потемкинскую лестницу, порт. Ему удалось поехать и по предместьям города, побывав на фонтанах и лиманах, о целебных свойствах которых он упоминает особо. При этом автор признается, что здесь он первый раз в жизни выкупался в море. Только в конце раздела об Одессе он говорит о своем посещении местного собора⁶.

Абсолютное большинство паломников, направлявшихся в Палестину, было людьми совершенно сухопутными, некоторые из них до своего путешествия ни разу не видели моря. Новизна морского путешествия порождала у паломников вполне естественные страхи, которые отразились на страницах мемуаров или дневников. У паломника из Вятской губернии А. Трапицына после того, как российский берег исчез из вида, «стало жутко на сердце»⁷. Священника Н. Карашевича с Волыни страх перед плаванием преследовал еще на суше, поэтому он в Одессе перед отходом судна помолился в местном храме св. угоднику Николаю и на этом успокоился⁸. Таким образом, возникавшие у паломников страхи купировались либо молитвой, чаще всего покровителю путешествующих «по водам» св. Николаю, либо сознанием того, что страх надо обязательно преодолеть для того, чтобы реализовать давнее стремление – достичь святых мест.

Степень комфорта, которую могли позволить себе авторы паломнических мемуаров, была различной, хотя все они принадлежали не к крестьянской среде. Законоучитель реального училища в Вятке А. Трапицын сумел накопить деньги на поездку во втором классе, поэтому он коротал время в отдельной каюте, а питание получал с пароходного камбуза. Соловецкий монах Никандр, хотя и имевший звание игумена, не мог позволить себе такой роскоши. Он ехал третьим классом в трюме, помещаясь на нарах, но при этом был доволен: «...мне было хорошо, хотя пароход был набит еврейскими семьями, ехавшими на житье в Палестину. Кипяток отпускаялся из куба даром и еды можно достать»⁹.

Вместе со всеми остановками морское путешествие от Одессы до Яффы продолжалось 10 – 12 дней. Судя по воспоминаниям, за это время морской пейзаж, казавшийся сухопутным людям крайне однообразным, успевал им наскучить. Выросший в Поволжье костромич А.П. Касторский отмечал, что «пустое море» без клочка суши ему надоело и что «по Волге плыть интереснее»¹⁰.

Однако различные развлечения во время длительного пребывания в море все же находились. Путешественников, по свидетельству А. Вендеревского, очень интересовали черноморские дельфины, которые часто сопровождали суда, выпрыгивая из воды¹¹. Очень был увлечен ими сугубо сухопутный Н. Гусев из Вятки, при этом он ошибочно называет дельфинов рыбами по внешнему их сходству¹². В отличие от богомольцев, предававшихся таким мирским развлечениям, настроенный более серьезно А. Трапицын больше коротал время за чтением духовной литературы, уединившись в каюте¹³.

Любопытное описание времяпрепровождения паломников на борту судна дал Д.А. Скалон, путешествовавший вместе с великим князем Николаем Николаевичем в Святую Землю в 1872 г.: «Русские женщины-богомолки на пароходной палубе не сидят праздно. Они обыкновенно вяжут чулки, либо чинят свою одежду, а то, усевшись особыми кружками, читают молитвенники и душеспасительные книжечки; это последнее чтение прерывается иногда разговорами и рассказами бывалых людей о прежних «хождениях», о разных приключениях во время оных, о своих русских святынях...»¹⁴

Суровым и часто совершенно неожиданным испытанием для людей, ни разу не бывавших в море, становилась морская болезнь. Ее симптомы и последствия паломники описывали в самых мрачных красках. Люди испытывали головную боль, пот и жар, затем они на день или два полностью лишались аппетита. Хорошо, если рядом с ними оказывались сердобольные попутчики, не испытывавшие всех «прелестей» морской болезни. За простым волынским протоиереем о. Никанором Карашевичем в море целый день заботливо как нянька ухаживал ехавший с ним наместник Андреевского русского скита на Афоне – отнюдь не последний человек в православной монашеской иерархии Святой Горы¹⁵.

В рассматриваемый нами период паломников перевозили в Палестину и на Афон пароходы Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ). Эта частная компания, созданная в 1856 г., в 1910 г. располагала 76 пароходами, которые курсировали по морям

Атлантического, Индийского и Тихого океана. Доставка паломников являлась только одной из функций этого общества, в основном оно перевозило по морям коммерческие грузы. Первоначально богомольцы становились пассажирами пароходов «Азов», «Ростов», «Одесса», «Лазарев», «Нахимов», которые были не очень удобны для путешествия. Здесь даже в шторм они вынуждены были находиться на палубе под открытым небом. В паломническом сезоне 1898-1899 г. по инициативе ИППО вместо этих судов для паломников были выделены пароходы «Царь», «Цесаревич» «Россия» и др., которые выглядели более благоустроенными: их палубы были крытыми, верхние части трюмов специально для паломников приспособили в качестве кубриков¹⁶.

На средиземноморских линиях курсировали далеко не новые суда, поэтому они нередко ломались. А. Трапицын, севший на пароход «Одесса», заметил, что судно «старое и дырявое», и его нехорошие предчувствия оправдались почти у цели паломников – вблизи Яффы. У парохода сломался вал с винтом, он потерял ход и его начало относить ветром к берегу. К счастью, волнения на море почти не было, и вблизи берега удалось бросить якорь. Затем судно на буксире отвели в Бейрут, откуда на попутном французском судне паломники, наконец, попали в Яффу. Паломники с «Одессы» узнали, что в эту же ночь потерпел крушение и затонул другой пароход РОПИТ «Владимир», столкнувшийся с итальянским судном. При высадке на берег в Яффе паломники видели выглядывавший из воды корпус парохода «Чихачев», который затонул здесь за год до этого, в 1894 г.¹⁷ В связи с этим сквозившие в текстах А. Трапицына и другого вятского паломника Н. Гусева страхи были не случайными, тем более что среди погибших пассажиров «Владимира» были их знакомые¹⁸.

Обычно пароходы с паломниками отправлялись из Одессы во второй половине дня и, проведя в открытом море более суток, богомольцы на второе утро своего путешествия видели с борта берега Босфора. Предстояла более или менее длительная стоянка в Константинополе, которая обычно продолжалась от полутора до трех дней. На страницах почти всех мемуаров этот город именуется Константинополем, а паломник с севера игумен Никандр называет его даже Царьградом. Только А. Трапицын, имевший академическое образование, решил один раз употребить его точное турецкое название – Стамбул¹⁹. Упорное повторение христианских имен турецкой столицы связано было, как нам представляется, с двумя обстоятельствами. Во-первых, русские богомольцы воспринимали этого город как колыбель православия, откуда оно пришло в X веке на Русь. Во-вторых, они надеялись, что со временем Константинополь станет российским и, соответственно, православным городом. Не случайно в начале XX в. стал популярным лозунг: «Крест на святую Софию».

Высадка на берег в Константинополе сопровождалась совершенно неожиданными для паломников эксцессами. Как только русское судно вставало на рейде, к нему подплывали десятки лодок с турками, которые наперебой предлагали свои услуги по перевозке пассажиров на берег. Они против воли хватили самих пассажиров и их багаж, так паломники впервые знакомились с типичным для Востока агрессивным маркетингом. Несмотря на то, что матросы сталкивали навязчивых лодочников за борт, они все равно лезли на пароход. Дело почти всегда заканчивалось тем, что пассажиры пользовались лодками, присланными монахами местных афонских подворий²⁰.

«Стамбул – город контрастов», эта крылатая фраза из культовой советской кинокомедии в полной мере могла бы передать ощущения паломников в турецкой столице. Причем диссонанс между общим видом на город с Босфора и крупным планом стамбульских улиц отмечался далеко не в одном источнике личного происхождения. А. Вендеревский писал, что «если смотреть на город издали, не вступив в него, то он представляет одну из восхитительнейших картин». Его рассуждения как бы продолжает А. Трапицын, посетивший столице Османской империи на восемь лет позже Вендеревского: «Едва только мы вышли на берег и вошли в город, как очарование наше Константинополем с Босфора сразу исчезло». Далее он поясняет свое разочарование:

улицы, даже главные, были очень узкими; из-за выброшенных на проезжую часть отбросов в воздухе постоянно чувствовалось зловоние; по улицам бродили сотни бездомных собак и т.п.²¹

Большое значение имело то, что в турецкой столице русские богомольцы жили, как и в Одессе, на подворьях тех же афонских монастырей – Пантелеймоновского, Ильинского и Андреевского. Их монахи помогали российским паломникам пройти таможенный контроль, уладить паспортные формальности. Паломники в своих мемуарах дружно хвалят афонских монахов. Игумен Никандр говорит, что «келья – великолепная, радушие – безмерное». Ему вторит А. Вендеревский, вспоминая, что управляющий Пантелеймоновским подворьем о. Паисий встретил их «с великим радушием». А. Трапицын и другие богомольцы свидетельствуют, что к группе паломников прикреплялся монах, который показывал им главные достопримечательности города и старался их уберечь от нежелательных контактов с местными жителями. Известный российский путешественник А.В. Елисеев вспоминает, что о. Паисий не только сопровождал россиян в их прогулках по Царьграду, но и устраивал им посещение священных и мирских достопримечательностей «подешевле» и «поспособнее», т.е. на наиболее выгодных условиях, когда за минимальную плату можно было осмотреть максимум объектов²².

Достопримечательностей, как мирских, так и священных в одном из крупнейших городов Востока было много. «Воистину, есть, что посмотреть!» – восклицал по этому игумен Никандр из Соловецкого монастыря²³. В отличие от Одессы, где паломников больше манили мирские достопримечательности, в Царьграде русские богомольцы отправлялись в первую очередь к православным святыням. Среди них первой был храм святой Софии, превращенный турками в мечеть после захвата Константинополя в XV в. «Величественность и изящество храма поразили наши взоры», – пишет А. Вендеревский. Он же отмечал, что именно в этот собор пришли на службу послы киевского князя Владимира Святославовича и именно здесь их поразило величие православного богослужения. Их впечатления сыграли значительную роль при выборе Владимиром православия среди других конфессий²⁴.

Еще один священный объект для поклонения в Царьграде, куда обязательно приходили паломники – храм Влахернской Божией Матери. В нем в X в. во время осады города варварами явилась молящимся Богородица и простерла над городом свой омофор в знак защиты. Впоследствии в память этого события стал отмечаться церковный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. А. Вендеревский упоминает о том, что в упомянутом храме хранился омофор Богоматери²⁵. Также русские паломники посещали Константинопольскую патриархию. Для них она имела большое значение, т.к. в ней святительствовали в свое время Григорий Богослов и Иоанн Златоуст; богомольцам показывали кафедру, с которой выступал последний из этих двух отцов церкви²⁶. Некоторым паломникам удавалось встретиться с Константинопольским патриархом, эта встреча была очень значимой для российских богомольцев, т.к. в отечественной церковной структуре уже около двух веков не существовало иерарха такого уровня.

Путешествие российских паломников на Ближний Восток было по меркам того времени длительным. Трудности, которые стояли на их пути, нельзя назвать непреодолимыми, но они были совершенно реальными, вызывая страхи у путешественников. Вместе с тем, препятствия, возникавшие перед паломниками, воспринимались ими без негативных эмоций. Богомольцы были убеждены, что для того, чтобы увидеть вселенские христианские святыни, надо если не «пострадать», то, по крайней мере, испытать различные дорожные передрыги; поэтому последние воспринимались с покорностью.

Особенностями паломничества в Палестину, впрочем, как и на Афон, был отчетливо коллективный его характер. В путешествие отправлялись большими или малыми группами, во-первых, потому что, по народной пословице, «на миру и смерть

красна» и, во-вторых, коллективное переживание встреч со святынями ощущается более остро, глубоко.

Во время путешествия паломники делали остановки для осмотра святых мест. В нашей статье речь шла только о Константинополе, но российские богомольцы высаживались на берег (в зависимости от маршрутов пароходов) в Смирне, Салониках, на островах Родос и Кипр, в Бейруте и Триполи, где находились святыни греческой православной церкви. Во время длительного путешествия русский человек чувствовал себя гораздо комфортнее, если, по его убеждению, он почти постоянно находился под покровительством святынь его родной религии, которые как бы передавали его «из рук в руки».

¹ Волынские епархиальные ведомости (далее – Волынские ЕВ). 1874. № 20. С. 724.

² Олонецкие епархиальные ведомости (далее – Олонецкие ЕВ), 1912. № 3. С. 75.

³ Мерцалов Евгений, священник. От Петрозаводска до Иерусалима: Путевые заметки и впечатления паломника. М.: «Индрик», 2014. С.45.

⁴ Олонецкие ЕВ. 1912. № 3. С.75.

⁵ Отчет уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества в Одессе М.И. Осипова за 1898/9 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Март-апрель 1899 г. М.,1899 (далее – Отчет...). С. 203-204.

⁶ Вятские епархиальные ведомости (далее – Вятские ЕВ). 1895. № 4. С. 126-128.

⁷ Там же. С.129.

⁸ Волынские ЕВ. 1874. № 20. С. 724.

⁹ Архангельские епархиальные ведомости (далее – Архангельские ЕВ). 1913. № 13 – 14. С. 375.

¹⁰ Костромские епархиальные ведомости, 1909. № 4. С.97.

¹¹ Астраханские епархиальные ведомости (далее – Астраханские ЕВ). 1887. № 14. С.563

¹² Вятские ЕВ. 1900. № 7. С. 281-282.

¹³ Там же. 1895. № 4. С.129.

¹⁴ Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М.: «Индрик», 2007. С.55.

¹⁵ Волынские ЕВ. 1874. № 20. С. 725; Вятские ЕВ. 1900. № 8. С.340, 342.

¹⁶ Отчет... С.197-202,205,208, 209.

¹⁷ Вятские ЕВ. 1895. № 11. С. 422; № 17. С. 713.

¹⁸ Там же. 1900 № 7. С. 281.

¹⁹ Архангельские ЕВ, 1913. № 13 – 14. С. 378; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С. 142.

²⁰ Вятские ЕВ. 1895. № 5. С.140; 1900. № 7. С.285.

²¹ Астраханские ЕВ. 1887. № 14. С.564; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С.140-141.

²² Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. Т. II. СПб., 1904; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С. 141, 146.

²³ Архангельские ЕВ. 1913. № 13 – 14. С. 378.

²⁴ Астраханские ЕВ. 1887. № 14. С. 565.

²⁵ Там же. С. 567.

²⁶ Архангельские ЕВ. 1913. № 13-14. С. 378.

Опубликовано: Православный Палестинский сборник. Т.112.

